

УДК 130.2:32

ТЕМАТИЗАЦИЯ СИНТЕЗА КАК ЕДИНСТВА КОГНИТИВНОГО И СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОГО В ЗАПАДНОЙ СОЦИОЛОГИИ НАУКИ: К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ТЕНДЕНЦИЙ И ПОДХОДОВ

Ан.А. Корниенко

Томский политехнический университет

E-mail: anna_kornienko@mail.ru

Анализируется процесс становления когнитивной социологии науки, в предметном поле которой прослеживается взаимосвязь когнитивных и социальных структур науки. Обозначена роль контекста в формировании научного знания. Утверждается, что основанием формирования когнитивной социологии науки явился пересмотр стандартной концепции науки как совокупности гносеологических, эпистемологических и методологических интерпретаций природы и морфологии формируемого научного знания, способов его обоснования и идеалов научности.

Ключевые слова:

Когнитивная социология науки, контекст, конструктивизм, деконструктивизм, критерии научности, социальность в науке, интерпретация.

Key words:

Cognitive sociology of science, context, constructivism, deconstructivism, criteria of scientific content, sociality in science, interpretation.

В 70-е гг. XX в. в западной философии науки возник ряд школ, получивших название «Социальные исследования науки»; программа этих школ отразила ряд наглядно проявляющихся тенденций в западной философии науки. Отчетливо обозначился интерес к анализу содержания научного знания в любых его формах, интерес к науке как подсистеме культуры, к установлению зависимости между отдельными элементами научного знания и тем социокультурным контекстом, в границах которого научное знание формируется.

Основанием, благодаря которому стало возможным формирование обозначенного направления, известного также как когнитивная социология науки, как социология науки «Новой волны», явилась социология знания, отсюда в англо-американской традиции было сформировано название: «социология научного знания».

Анализу проблем социокультурной обусловленности развития науки предшествовала контроверза интернализм—экстернализм; последняя на длительное время сформировала структуру исследовательских ориентиров (альтернативных и конкурирующих) в пространстве западной философии науки.

Идейной платформой, определившей предметную специфику «Социальных исследований науки», явился пересмотр стандартной концепции науки (в 1967 г. профессор Гарвардского университета И. Шеффлер, систематизируя положения социологов науки, сформированные на принципах классической науки, ввел термин «стандартная концепция науки»). Именно стандартная концепция науки являла собой совокупность гносеологических, эпистемологических и методологических интерпретаций природы и морфологии формируемого научного знания, способов получения и обоснования этого знания, интерпретации идеалов научности, интерпретации тех механизмов, что эту деятельность регулируют. Ряд авторов (к примеру,

такова позиция Б.Г. Юдина) справедливо, на наш взгляд, полагают, что в основе стандартной концепции науки лежит обыденный здравый смысл науки, та форма самопознания науки, в которой проявляет себя неререфлективное отношение к основаниям и предпосылкам научной деятельности. Именно на стандартную концепцию ориентировались позитивисты и неопозитивисты. Стандартная концепция науки не благоприятствовала возможностям социологического анализа научного знания. Неопозитивисты не признавали социокультурной обусловленности познания, она считалась фактором, тормозящим производство достоверного знания. Стандартная концепция создала образ «чистой» науки, независимой от культуры. По существу именно «Социальные исследования науки» сформировали идеал, ориентированный на преодоление позитивистских представлений о науке и ее развитии, на стремление к разностороннему комплексному анализу науки как продукта и существенного фактора развития общества.

Пересмотр стандартной концепции науки и появление на рубеже 80-х гг. целого спектра концептуальных схем социального исследования науки в рамках социального конструктивизма фундаментируют потребность в философско-методологической рефлексии комплексного подхода, формирующейся в данном направлении.

Идеи этого направления были представлены на Лондонской конференции 1972 г., когда были обозначены контуры синтеза особой проблематики: социокультурной, социологической, методологической и гносеологической. Так возникло комплексное изучение науки, сформировалась та исследовательская парадигма, в границах которой за социологическими методами был признан приоритет в исследовании исходных характеристик научного знания, а в социологию науки вошла проблематика философии и логики науки. Когнитивная социология науки требовала исследования нау-

ки как целостного феномена, и эту задачу взяла на себя комплексная методология.

Возникшие социолого-научные программы были ориентированы на синтез философии, истории и социологии науки в её традиционной трактовке, так формируется идеал-парадигма, объединившая когнитивные и социальные факторы. Отметим, что уже к середине 70-х гг. сформировался не только общий рисунок парадигмы «Социальных исследований науки», но и настойчиво заявила о себе группа исследователей, занявшая позиции сторонников «сильной программы» (Д. Блур, Б. Барнс). И «сильная» и «слабая» программы, сделавшие предметом дискуссий проблемы социологии научного знания, природу научного знания, вступили в ожесточенный спор (получивший название «Научные войны», Science wars) с «реалистами», вставшими в оппозицию к «постмодернистам». «Социальные исследования науки» допустимо рассматривать как разновидность социального конструктивизма и релятивизма: в пределах исходных установок «сильной» и «слабой» программ знание интерпретируется не как отражение объективной реальности, но как результат особой деятельности. В отличие от этой точки зрения, научный реализм, интерпретированный как совокупность нескольких школ в границах аналитической философии, исходит из того, что единственное средство достижения знания о мире, которое может считаться надежным в отличие от обыденного опыта или метафизики, это научное исследование, где данные экспериментов и наблюдений интерпретируются с помощью специально создаваемых для этого средств — научных теорий. Высказывания авторов научных теорий и терминологический аппарат (без разделения на «язык теории» и «язык наблюдения») имеют онтологический статус, т. е. объекты (предметы, процессы, связи, свойства и отношения, закономерности), обозначаемые этими терминами, считаются реально существующими, а суждения об этих объектах — истинными, ложными или вероятными [1. С. 155]. Последняя позиция присуща У. Селларсу, А. Масгрейву, Х. Патнему, Р. Харре.

Эволюция когнитивной социологии науки стимулировала развитие микросоциологических исследований конкретных ситуаций, возникающих в процессе познавательной деятельности ученых (case-studies), которые представляют богатый эмпирический материал о взаимосвязи когнитивных и социальных структур науки. В 80-е гг. XX столетия возник целый спектр разнообразных, но близких по своим методологическим основаниям концептуальных схем социального исследования науки, предметом анализа стал процесс зарождения научного знания в контекстном пространстве научного сообщества. Уже в 80-е гг. XX столетия возникли «интерпретивная» социология науки (Дж. Лоу, Д. Френч), «конструктивистская программа» (К. Кнорр-Цетина), релятивистская программа (У. Коллинз), дискурс-анализ (М. Малкей,

Дж. Гилберт), этнометодологические исследования (Г. Гарфинкель, С. Уолгар), этнографические изучения науки (И. Элкан), тематический анализ (Дж. Холтон) — программы, обозначенные в аналитической литературе как социально-конструктивистские, так как научное знание представлено здесь как результат и следствие процесса социального конструирования: «причинная связь, действующая в обществе, имеет самореференциальный характер, который объясняет обязательную силу конвенции» [2. С. 121].

Параллельно с дисциплинарным оформлением когнитивной социологии науки шло возникновение академических центров по изучению социальных проблем науки. Возникает Комитет по исследованию социологии науки при Колумбийском университете — центр по изучению теории науки, ее политики и планирования. В Германии становится широко известна Штарнбергская группа Исследовательского центра института имени Макса Планка. В Великобритании в 1970-х гг. произошел существенный рост исследований науки, особенно заметный в университетах Бата, Эдинбурга, Ланкастера, Манчестера. В Эдинбурге возникает Отделение исследований науки. Историк науки Рой МакКлеод в 1971 г. основал журнал «Социальные исследования науки».

В перечне зарубежных журналов и сборников по теории науки, ознаменовавших появление новой научной дисциплины, — «Наука о науке», «Социология науки», «Метод современных наук». В Великобритании возрастающее внимание к закономерностям развития науки привело к открытию в 1964 г. фонда «Наука о науке», который возглавили Дж. Бернал, Д. Прайс, Ч. Сноу. Кембридж также принял участие (вместе с израильскими исследователями) в основании в 1987 г. нового журнала «Наука в контексте» (Science in context). Начиная с 1996 г. электронный журнал Sociological Research Online начинает публикацию материалов по «Социальным исследованиям науки». В рамках указанного издания осуществляется знакомство с внутридисциплинарными дискуссиями, рецензиями на книги хорошо известных российским исследователям авторов, таких, например, как Дж. Гилберт, М. Малкей, Б. Латур, С. Уолгар, статьями видных аналитиков, ранее незнакомых отечественному читателю, например: Нико Штер (N. Stehr) — член Королевского Общества Канады, редактор журнала «Социология в Канаде», чей исследовательский интерес сосредоточен на проблемах взаимодействия общества, политики и знания; М. Хамерсли, Д. Байерн, Р. Гомм активизировали проблематику моделирования в «Социальных исследованиях науки».

Начиная с первой половины 70-х гг. к проблеме зависимости научного знания от социокультурного контекста обратилась Штарнбергская группа института имени Макса Планка ФРГ (В. Даел, В. Шефер, Г. Беме, В. Крон). Практически одновременно идеи когнитивной социологии «проросли» в Ан-

глии, где исследовательский интерес таких крупных социологов, как Г. Коллинз, М. Малкей, Р. Уитли, Д. Блур, П. Вайнгарт, Е. Мендельсон, сконцентрировался на изучении системы «социальные факторы –логические структуры» [3]. Американский вариант социологии науки, ориентированно на эту исследовательскую программу, представлен трудами П. Макхью, Э. Гоулднера, И. Митроффа, М. Полани, Дж. Равеца.

На рубеже XX–XXI вв. «Социальные исследования науки» обрели статус научного направления, масштабно представленного в западной философии науки, а в проблемном поле поименованного направления обозначили свою предметную специфику две версии социоконструктивистского подхода к анализу науки. В границах макроподхода анализируются проблемы взаимоотношения социальных структур и научного знания, влияния социальных изменений на сдвиги в научном знании, взаимоотношения науки как социального института с другими социальными институтами. Особенностью макроаналитического подхода является исследование процессов и структур и отвлечение от того, что представляет собой субъективная составляющая науки. Макроаналитическая стратегия, допуская, что наука – это сфера деятельности ученых, оставляет эту мысль вне сферы своих интересов. Ограниченность и недостаточность макроаналитической стратегии обусловила поворот к иной – микроаналитической стратегии, отказавшейся от глобальных социологических схем и сосредоточившейся на изучении отдельных случаев научных открытий, полемики между учеными, выдвижении гипотез, построении теорий в определенном социокультурном контексте.

Отметим то обстоятельство, что важной для интерпретации современных эпистемологических проблем когнитивной социологии науки является позиция Э. Дюркгейма, связывавшего категории время, материя, пространство и некоторые элементы категории причинности с социальным контекстом и отождествлявшего когнитивный аспект разума с социальным. Вплотную подошли к интерпретации истории мысли в социологических терминах В. Парето и Г. Зиммель, утверждавшие наличие параллелизма между формами познания (образованием понятий и способами «интеллектуального схватывания») и формами социальной организации, что, на их взгляд, является свидетельством фундирования концептов и интеллектуальных ориентаций социокультурными изменениями. И хотя характер самой зависимости форм мышления от социального контекста в истории социологии знания определялся различно, именно специфика предметной области социологии знания позволила в дальнейшем приложить методы и понятия социологии знания к анализу этапов научного знания, к генезису научных открытий, к формированию научных сообществ. Так, П. Ландсберг осуществил социологический анализ академии Платона; П. Хонигсхейм дал описание средневековой

схоластики в терминах социологии знания, А. Демпф и М. Орнштейн осмыслили процесс перехода от схоластики к науке нового времени и роль научных обществ в XVII в. в рамках парадигмы социологии знания, а в ряде других исследований понятия и методы социологии знания нашли применение в историко-научных описаниях. Ситуация перехода от социологии знания к социологии науки породила различные историко-научные исследования, реализовывавшие программы социологии науки, а формирование комплексного подхода в исследованиях науки происходило в результате приложения концепций и методов социологии знания и социологии науки к историко-научным исследованиям. Так, основатели социологии науки – Р. Мертон и Д. Бернал – были одновременно авторами историко-научных исследований, написанных с позиций социологии. Взаимосвязь социологии научного знания и истории науки обусловлена их единством, историческими интенциями самой социологии: внутренняя логика ее развития свидетельствует о том, что и классическая социология в лице Э. Дюркгейма, и неклассическая социология, к примеру, теория П. Бурдьё, изначально историчны. Социология Э. Дюркгейма исторична потому, что он стремился изучать институты в процессе их становления, что требует, по мнению Э. Дюркгейма, активного и сознательного сотрудничества с историографией. Не существует социологии, которая заслуживала бы этого имени и не обладала бы историческим характером, – утверждал Э. Дюркгейм, убежденный в том, что социологии и истории суждено сблизиться и, что наступит день, когда исторический дух и дух социологический будут различаться лишь оттенками. П. Бурдьё и другие представители современной неклассической социологии опираются на это и другие положения Э. Дюркгейма, перенося историческое измерение в область социальной онтологии и эпистемологии, призывают работать над действительно единой наукой о человеке, в которой история была бы исторической социологией прошлого, а социология, – социальной историей настоящего, ставя перед социологией задачу осуществления тройной историзации – *во-первых*, историзации агента, *во-вторых*, историзации различных социальных миров (полей), *в-третьих*, историзации познающего субъекта и инструментов познания, с помощью которых он конструирует свой объект.

Говоря об эволюции парадигмы когнитивной социологии науки, нельзя преувеличивать роль факторов сугубо философских, – к примеру, работ Т. Куна [4], позитивистской методологии. Мы полагаем, что эволюция исследовательских программ последней определена, прежде всего, внутренней логикой развития социологии как дисциплины. Дело, на наш взгляд, в том, что в социологии происходили парадигмальные трансформации. Изменились ориентиры интерпретации социального. Особенно характерно это для микросоциологиче-

ского подхода: в парадигме последнего отчетливо прослеживается ориентация на идеи А. Шютца и И. Гофмана. «Социальное» здесь интерпретировано как социально организованная интеракция, «совместный мир» (А. Шютц), как совместная активность индивидов, находящихся в отношении позитивного взаимодополнения. Это определяет ряд проблем когнитивной социологии науки, обусловленных неопределимыми преградами между «микро» и «макро» и невозможностью социологии эти преграды преодолеть. Интерес символического интеракционизма к «стратегиям микротрансляции», позволяющим понять, как социальные структуры «повторяются» в конкретных местах коммуницирующих, а так же исключительный интерес феноменологической социологии к перспективе самого действующего, привели к сдвигам в социологическом подходе и науке и потребовали проявления таких уровней анализа, как повседневная жизнь и повседневные контакты между учеными, т. е. антропологии и этнографии науки, от которых еще в 70-х гг. социология знания и социология науки принципиально дистанцировались. В 80-х гг. ведущим направлением становится «этнография науки» (антропологическое исследование науки), представляющая собой микроанализ конкретно-исторических локальных ситуаций в социокультурном контексте.

Сегодня, когда когнитивная социология науки представляет собой достаточно автономное дисциплинарное образование, пристальный анализ социологической методологии и используемых в ее рамках методов исследования (интервью, включенное наблюдение, антропология и этнография науки, биографический метод, метод case-studies), позволяющих выявить генезис научных представлений под влиянием культурного контекста, является принципиально важным, поскольку социология вносит наиболее существенный вклад в «деконструкцию» методологий и методик, употребляемых при изучении проблематики науки. Значение социологической методологии заключается в переориентации на интерпретативность методов, в акцентуации стратегий описания, а не объяснения, исключая причинное или факторное объяснение, настаивающих на нарративности не только форм, способов и стиля изложения, но и самих методов исследования.

Отметим и такую особенность исследовательских версий «Социальных исследований науки», как попытку рассматривать не традиционный для детерминизма причинный вид связи, а более мягкие формы взаимодействия мыслительных процессов и социального, точнее, социокультурного контекста. В числе этих форм — «принцип обобщенного взаимодействия», «принцип связи состояний», «принцип зависимости от условий», учет коррелятивных связей и синхронизации, не предполагающих предшествования во времени и обязательного порождения, и не являющихся каузальными или случайными совпадениями. По существу, осмы-

сление конструктивистского подхода, суть которого отражена в аналитической парадигме когнитивной социологии науки, и позволяет сделать вывод о том, что в нем содержится неприятие философского анализа. При этом в меткой оценке К. Кнорр-Цетины, традиционный философский анализ науки обвиняется в неспособности систематично обдумать роль социальных факторов и включить их в нормативную картину научной деятельности [5]. В действительности же, едва ли мыслимо, что такой феномен, как современная наука, внутренне связанный с современным обществом как институциональное и коллективное установление, не имеет собственных социальных черт, которые должны схватываться философией, если она еще собирается быть осведомленной о мире, в котором она живет. Конструктивизм поднимает проблему роли интересов, гибкости правил и стандартизованности критериев ситуативной роли власти в теории знания, призывает к аннулированию универсальных стандартов через локальные соглашения, к замене социальных и других характеристик ситуативными характеристиками. Необходимо также отметить, что по сути своей конструктивизм далеко не однороден, что признают и аналитики, работающие в традиции когнитивной социологии науки. И одно то, что центральный и основной концепт конструктивизма — это концепт «переговоров», говорит о немасштабности его аналитических ресурсов.

Очевидно, осознавая тупиковость исследовательской версии конструктивизма, аналитики вводят термин «конструкционизм» для обозначения эмпирического конструктивизма. В границах последнего исходным является тезис о том, что исследование процесса конструирования реальности означает изучение эпистемической практики, анализ «жизни лаборатории» и локально закрепленных, изменчивых стандартов познания. Конструкционизм ориентирован на «локализирующиеся» концепции, на тезис о том, что конструирование является конструированием внутриграниценных пространств, опирающихся на локальные ресурсы и изменения, обусловленные локальной практикой. В когнитивной социологии науки помимо обозначенного выше выделяется и когнитивный конструктивизм, интересующийся знанием с точки зрения биологии познания и восприятия, а не социальных общностей, как выделяется и деконструктивизм. Ему присущ антиинтерпретационизм, противоположный большинству интерпретативных подходов социального конструктивизма. Достаточно полно представлена в «Социальных исследованиях науки» и версия, обозначенная как «деконструкционизм». При этом различие «слабой» и «сильной» версии социального конструктивизма заключено в следующем. В пределах «слабой» версии теории, возникающие по поводу реальности, рассматриваются как социальные конструкции, в то время как в пределах «сильной» версии конструкцией является реальность. Для

Д. Блура, апологета «сильной» версии социального конструктивизма, чрезвычайно важным для социальной эпистемологии является «принцип недостаточной детерминации» (*underdetermination thesis*). Он заключен в том, что, апеллируя просто к влиянию объекта, нельзя объяснить разницу в восприятии этого объекта различными наблюдателями. Для объяснения необходимо знание о самих наблюдателях, в описание реальности включаются и параметры, детерминированные социальными факторами. Для Б. Латура и С. Вулгара, апологетов релятивистского подхода и оппонентов Д. Блура, важны не сами получаемой наукой факты, но более важен сам процесс их конструирования. Исследуя потенциал «сильной» версии социального конструктивизма, Ю.С. Моркина, на наш взгляд, очень тонко подмечает отношение этой версии к «слабой» версии социального конструктивизма и научному реализму, когда пишет: «Сильная версия социального конструктивизма, с одной стороны является проявлением крайнего релятивизма, но, с другой стороны, как крайность сближается с другой крайностью – позицией научного реализма, а не полностью противостоит последней. Сближение это состоит в том, что в обеих позициях терминологическому аппарату и высказываниям научных теорий придается онтологический статус. В случае с социальным конструктивизмом это происходит постольку, поскольку сама реальность считается конструирующей в процессе научного исследования» [6. С. 158].

В трудах отечественных авторов, посвященных социокультурной проблематике в научном мышлении, выделяются три уровня взаимосвязи науки, общества и культуры. *Во-первых*, это исследования культурологических аспектов науки, исходящие из тезиса о социальной природе познания: их проводят Л.М. Косарева, М.А. Розов, В. Белов. Далее, социокультурная обусловленность научного познания является предметом внимания М.С. Козловой, А.П. Огурцова, В.С. Степина. Наконец, социокультурная детерминированность научного знания с позиций идеи синхронизации отстаивается Е.А. Мамчур. Изучением механизмов взаимодей-

ствия науки и социокультурной среды были заняты: В.С. Библер, П.П. Гайденко, Б.С. Грязнов, В.А. Дмитриенко, Ю.А. Зиневич, В.Г. Федотова, А.Н. Шамин, Б.Г. Юдин, З.А. Сокулер, С.Б. Крымский. Именно работы этих авторов позволили радикально изменить во второй половине XX в. представление о науке в контексте трансформации такого понятия как социальность, дополнив его содержанием доминантного для социокультурной методологии понятия «социокультурный контекст».

Обозначенные работы сделали неоспоримым тот факт, что многомерность науки (когнитивно-лингвистическую, социально-нормативную, культурно-ценностную) невозможно понять и правильно интерпретировать, ориентируясь только на концептуальную историю науки. Сформировав новый исследовательский идеал, заключенный в стремлении к единству социальных и когнитивных характеристик, «Социальные исследования науки» в своей когнитивной исследовательской программе изменили представление о критериях научности, сделав научное знание непосредственно обусловленным интерпретационными ресурсами, интерпретационным контекстом. Посредством введения таких категориальных структур, как «социокультурный контекст», «интерпретационные ресурсы», «интерпретационный контекст», было существенно изменено и само понятие «социальности» в науке.

В заключение подчеркнем, что именно западная социология науки сформировала сложную, фундаментальную и смелую задачу новой координации и переориентации аналитических подходов к такому сложному предмету исследования, как социальные аспекты функционирования науки, предприняв попытку тематизации идеи комплексности в социальных исследованиях науки на основе экспликации основных программ и подходов философии, истории, культурологии и социологии науки и их дальнейшего синтеза в некой единой исследовательской идеал-программе, в основе которой лежит единство когнитивных и социальных факторов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Порус В.Н. Научный реализм // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. – М.: Канон+, РООИ «Реабилитация», 2009. – 1248 с.
2. Малкей М. Наука и социология знания. – М.: Прогресс, 1983. – 252 с.
3. Mulkey M. Action and belief or scientific discourse? A possible way of ending intellectual vassalage in social studies of science // *Philosophy of the Social Sciences*. – 1981. – V. 11. – P. 163–171.
4. Кун Т. Структура научных революций. – М.: Прогресс, 1975. – 256 с.
5. Knorr K., Strasser H., Zilian H.G. Determinants and Controls of Scientific Development. – Dordrecht: D. Reidel Pub. Co., 1975. – 459 p.
6. Моркина Ю.С. Социальный конструктивизм Д. Блура // Вопросы философии. – 2008. – № 5. – С. 154–159.

Поступила 29.10.2012 г.